

РЭЙ ХАРТ

2

ПЫШКА
НА ОСТРОВЕ

КАК ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА МИЛЛИОНЕРА

18+

Рэй Харт

Пышка на острове. Как выйти замуж за миллионера 2

<https://litres.ru/74004751>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бандиты обезврежены, муж спасён, а бухгалтер Лиза Мышкина наконец-то разобралась, что дебет с кредитом сводятся не только в отчётах, но и в отношениях. Но не тут-то было.

Один неосторожно подслушанный разговор — и семейное счастье трещит по швам. Лиза стремительно покидает райский остров, оставляя Алекса с разбитой бровью и ещё более разбитым сердцем. Впереди — Москва, холодный октябрь, папины огурцы и коллекция резиновых уточек, которые не предадут.

Алекс же решает, что терять нечего, и летит через океан. Вот только в московской квартире его ждёт не только Лиза, но и её папа с трёхлитровой банкой огурцов и пластиковой бутылкой с сюрпризом.

Смогут ли бухгалтер и миллионер свести свои чувства без ошибок на две строки? Удастся ли Дейву покорить русские валенки? И выживет ли американская печень после папиного самогона?

«Пышка на острове — 2» — это романтическая комедия про то, как любовь проверяется расстоянием, ревностью и способностью вовремя признаться в главном.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пышка на острове. Как выйти замуж за миллионера 2

Глава

Часть 2.

Глава 1. В которой бухгалтер идёт на абордаж, а керамический горшок работает приманкой

Лиза стояла за углом дома, прижимаясь спиной к тёплой стене, и ощущала, как страх растекается по венам, смешиваясь с совершенно новым чувством — с яростью, с отчаянием, с внезапной, острой, как битое стекло, любовью к этим людям, которые сидели там, в гостиной, под дулами автоматов.

Она смотрела в щель между шторами. Ира, сидела в той же позе и сжимала руку Дейва. Алекса не было видно — скорее всего увели наверх. И ещё один бандит поднялся с ним. Внизу остался только — тот, с бычьей шеей, который до этого шарил по холодильнику. Он стоял теперь у дивана, лениво жуя что-то из банки, и держал ствол автомата направленный в сторону Иры и Дейва.

Алекс наверху. Один против двоих. С разбитой бровью, совершенно безоружный.

— Саша, — прошептала Лиза одними губами. — Держись. Я иду.

И тут она поняла то, что ускользало от неё все эти дни. Они все — Ира, Дейв, этот колючий, ранимый, грубый Саша — стали ей дороги. Незаметно. Ира — подруга на всю жизнь, её вторая половина, её голос разума и безумия одновременно. Дейв — потому что он муж Иры, потому что он смотрел на подругу так, как смотрит человек, нашедший своё счастье и любовь. И Алекс. Саша. Кто назвал её толстухой, а потом спас от течения. Кто поцеловал её при свечах, кто пил её рассол и учился рисовать сердечки на пенке от кофе. Тот, кто стал ей нужен.

— Я должна их спасти, — сказала она себе. — Я, Лиза Мышкина, коллекционер резиновых уточек, дочь своего отца. Я должна.

Адреналин ударил в голову так, что из глаз полетели искры. Ноги понесли её в обход — к пирсу, к яхте, которая покачивалась на волнах.

Она бежала пригнувшись, перебежками, босиком по мокрой траве, по острым камешкам. Сердце колотилось в висках стучало: «тук-тук-тук», как будто огромный калькулятор выбивал дробь в её голове. Она нырнула за ствол пальмы у самого пирса, перевела дыхание.

На палубе — никого. Четвёртый бандит, был внутри. Лиза

видела его через иллюминатор: он сидел у штурвала, смотрел маленький спутниковый телевизор. Голос диктора трещал, как старый радиоприёмник, и бандит ничего не слышал — ни плеска волн, ни скрипа ступенек, ни того, как её сердце пытается выпрыгнуть из груди.

— Страшно, — прошептала Лиза. — Очень страшно. Но деваться некуда.

Она подобралась к корме, где со швартовых свисала верёвочная лестница. Пальцы онемели, но она вцепилась в неё и полезла. Вода плескалась внизу, брызги летели в лицо, мокрая верёвка скользила в руках. Лиза перевалилась через борт, упала на палубу, замерла.

Телевизор по-прежнему шумит.

Девушка встала на четвереньки, потом на ноги, согнувшись в три погибели. Пробралась к рубке. Бандит сидел к ней спиной, в кожаном кресле, закинув ногу на ногу. На поясе болталась кобура, автомат стоял в углу, прислонённый к стене.

Лиза огляделась. На столике стояла чугунная подставка для карт. Фигурка кита. Чёрная, блестящая, килограмма на два.

Она осторожно взяла фигурку, взвесила на руке. Подкралась — босиком, бесшумно. Бандит икнул, почесал затылок. Его бритая голова блестела под тусклым светом.

Лиза размахнулась и со всей силы, вкладывая в удар всю накопившуюся за день злость, страх и отчаяние, опустила

чугунного кита на макушку бандита.

Звук был глухой, противный — как при запечатывании налогового уведомления. Бандит даже не охнул. Сложился, как карточный домик, и сполз с кресла на пол, зацепив плечом столик. Лиза замерла. Телевизор трещал не замолкая.

Она опустилась на колени, трясущимися пальцами пощупала пульс. Жив. Дышит ровно, только на затылке шишка набухает.

— Жив, гад, — прошептала Лиза. — И слава богу. Моя статья расходов на моральный ущерб пока пуста.

Она нашла ключи зажигания — висели на крючке у штурвала. Сунула в карман шортов. Потом огляделась, нашла моток верёвки — тонкой, капроновой. Связала бандиту руки за спиной, потом ноги, потом примотала его к ножке кресла. Узел получился кривой, но крепкий — папа, показывая ей хорошие «морские узлы».

Автомат она взяла в руки. Он был чёрный, холодный, тяжёлый и такой непривычным. От него пахло железом и маслом. Лиза вцепилась в него мёртвой хваткой, как когда-то в свою первую зарплатную ведомость.

Она спустилась с яхты на полусогнутых, прижимая оружие к груди. Шорты облепили ноги — она вымокла насквозь, пока лезла по лестнице. Волосы рассыпались из хвоста, мокрые пряди прилипли к щекам. Мурашки бежали по коже — то ли от холода, то ли от страха, то ли от осознания того, что она только что сделала.

Дом маячил впереди. Она подкралась к окну, заглянула. В гостиной по-прежнему сидели Ира и Дейв. Ира смотрела в пол, Дейв обнимал её. Один бандит — тот, с автоматом, — стоял у холодильника, набивая рот чем-то из банки.

«Да сколько можно есть! Он прикончит все наши запасы!»

Лизу накрыла новая волна страха — острая, ледяная, как пиранья в ванне. Она представила, как наверху эти двое бандитов делают с её мужем что-то страшное. Как он стоит, без рубашки, с разбитой бровью, сжав кулаки, и молчит. А они бьют его.

— Нет, — прошептала она. — Я этого не допущу.

Она обошла дом и направилась к чёрному входу. Никто им почти не пользовался. Дверь по большому везению — была не заперта. Лиза скользнула внутрь, прижимаясь к стенам, держа автомат стволом вверх. Босиком, на носочках, она прошла мимо деревянной лестницы — и замерла.

Ира подняла голову и увидела её.

Подруга чуть не вскрикнула. Лиза приложила палец к губам: молчи. Ира замерла, выпучив глаза, потом медленно, очень медленно, отвела взгляд от лестницы, сделав вид, что смотрит на бандита. «Молодец, Ирка. Хорошая выдержка!»

Лиза поднялась наверх. Сердце колотилось так, что она боялась — его стук услышат все бандиты в доме.

На втором этаже голоса доносились из кабинета Алекса. Дверь была слегка приоткрыта. Лиза прильнула к щели.

Алекс стоял у сейфа, открытого настежь. Рядом с ним

— командир, с заросшим лицом. Тыкал пальцем в бумаги. Второй бандит — вертлявый, худой — стоял у выхода, прилепляясь к косяку. Он был в метре от неё. Крупнее. Сильнее. Оглушить сзади не получится, командир тут же откроет стрельбу. А там стоит Саша, нельзя подвергать его опасности.

— Деньги, — говорил командир. — И чек на предъявителя.

— Понял, — глухо ответил Алекс. — Но нужен банк.

Лиза отступила от двери. Пот заливал глаза. Они русские! Говорят, совершенно без акцента. Что делать? Что она может сделать? Двое бандитов, оба вооружены.

Она попятилась и наткнулась на дверь. Ванная. Та самая, что примыкала к большой спальне. Дверь открылась без лишнего звука. Лиза скользнула внутрь, прикрыла за собой, прошмыгнула словно мышка. Истинная хозяйка своей фамилии!

Мозг работал как компьютер при атаке вируса. Она оглядела ванную. Белый мрамор, хром, полотенца, флаконы. На полочке — гель для душа в тяжёлой стеклянной бутылке. Рядом — декоративный керамический горшок с цветущей орхидеей.

— Сработает — поставлю свечку, на свою удачу, — прошептала Лиза. — Нет — тогда папа должен меня простить. Посмертно.

Она вылила весь прозрачный гель из банки на порог и

ближайшую плитку. Жидкость растеклась скользкой лужей, запахло кокосом.

Потом взяла горшок. Хороший снаряд. Хрупкий, как нужно.

Она зашла за перегородку ванной, прижалась спиной к холодной стене. Глубоко вздохнула. Ещё раз.

— Лиза Мышкина, ты справишься!.

Она высунула руку и со всей силы швырнула горшок в стену напротив.

Грохот в тишине показался оглушительным — как взрыв на складе бухгалтерской отчётности. Керамика разлетелась вдребезги, осколки зазвенели по кафелю, земля пыльным облаком осела на ванну. Орхидея покатилась по полу.

Лиза замерла за перегородкой, прижав автомат к груди. Сердце стучало уже в ушах.

Она считала удары. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

В коридоре послышались шаги — тяжёлые, уверенные. Дверь ванной была закрыта.

Шаги приближались.

— Кто там? — раздался грубый голос. Это вертлявый.

— Иди проверь, — крикнул командир ему из кабинета.

— А вдруг там кто-то есть?

— Тогда пристрели.

Шаги стали громче.

Лиза затаила дыхание. Пальцы, сжимающие автомат, побелели. Она смотрела в щель между перегородкой и стеной

— туда, где скоро должна появиться тень.

Бандит подошёл к порогу. Лиза услышала его сбивчивое дыхание, скрип ботинок на мраморном полу. Он замер на секунду — видимо, разглядывал коридор.

— Эй, Колян, — позвал он бандита внизу. — Ты там ничего не слышал?

Голос снизу, у холодильника, ответил что-то неразборчивое.

Вертявый сделал шаг вперёд.

И замер снова.

Лиза видела его силуэт на фоне дверного проёма. Он стоял на пороге. Ещё шаг — и он поскользнётся на геле. Или не поскользнётся, если ей очень не повезёт и он заметит лужу.

Девушка с автоматом в руках вжалась в стену, стараясь не дышать.

Бандит переступил порог.

Его нога опустилась на мрамор — на самую лужицу геля. Подошва скользнула, он взмахнул рукой, пытаясь удержать равновесие, но не удержался и рухнул на кафель с глухим ударом головы об плитку и смачным русским ругательством.

— А-а-а, твою мать! — заорал он.

Автомат вылетел из рук и откатился под раковину.

Лиза со всей скоростью подскочила к лежащему пирату, сначала ударила его прикладом в пах, он заорал как сумасшедший (неужели это место у мужчин, такое чувствительное, как они об этом говорят?), а потом со всей оставшейся

силой приложила прикладом об его голову. Вертлявый потерял сознание с глухим стоном.

Лиза вся вспотела. Она боялась, что этого бандита, она точно отправила на тот свет.

Шаги командира раздались в коридоре. Лиза нацелила дрожащий автомат на полуоткрытую дверь.

Командир почти перешагнул порог ванной и тут же свалился как мешок с картошкой. Сзади него стоял Саша и держал в руках массивное пресс-папье. Им он и оглушил командира. Новоиспечённый муж смотрел широко открытыми глазами на воинственную Лизу. Та была невероятно прекрасна, щеки разругались, губы приоткрыты, влажные волосы прилипли к лбу и грудь тяжело вздымалась от частого дыхания. И ей до абсурда шёл это чёрный автомат.

Лиза смотрела на Сашу и не отводила взгляд. Она перевела дух и перепрыгнув через беспмятные тела бандитов, кинулась в его объятия.

Глава 2. В которой автомат мешает поцелую, а в ванной лежат связанные бандиты

Саша уронил пресс-папье.

Тяжёлый кусок мрамора, который только что отправил командира в нокаут, с громким стуком покатился по плитке и замер у ног бессознательного тела. Алекс не заметил этого. Он смотрел на Лизу — на её раскрасневшиеся щёки, на

влажную прядь, прилипшую к виску, на родинку чуть выше ключицы, которую он уже успел запомнить, и на её руки, сжимающие автомат. Автомат, чёрт возьми!

Он шагнул к жене, обхватил её за плечи и прижал к себе с такой силой, с какой вцепился бы в спасательный круг посреди штормового океана. Лиза на секунду замерла, потом её пальцы сами разжались, автомат повис на шее, и она вцепилась в его голую спину, прижимаясь щекой к его груди, туда, где уже засохла кровь из разбитой брови.

— Ты... — прошептал он ей в макушку. — Ты с ума сошла. Ты могла погибнуть. Ты...

— Саша, — перебила она, уткнувшись носом в его ключицу. — Ты жив. Я так боялась за тебя...

Он хотел поцеловать её, но автомат, висящий на ремне, упёрся ему в живот. Железо было холодным и настойчивым, как налоговый инспектор на проверке. Лиза отстранилась первой.

— Их нужно быстрее связать, — сказала она, кивая на тела командира и вертлявого, которые лежали в луже кокосового геля. — И внизу остался один.

— Двое, — поправил Алекс, вытирая тыльной стороной ладони кровь со скулы. — Один из них сказал, что на яхте ждёт еще бандит.

Лиза посмотрела на него с высоты своего боевого опыта (примерно пятнадцать минут) и усмехнулась.

— Я его уже обезвредила. Лежит у штурвала, связанный.

Ключи от яхты у меня в кармане. Вот.

Она достала связку и показала мужу. Алекс замер. Его карие глаза, расширились от невысказанного удивления.

— Ты... ты его?

— Чугунным китом. Прямо по голове. Туго связала верёвкой. Папа учил узлы вязать. Папа меня всему научил, я и не знала, что это мне в жизни пригодиться.

Алекс смотрел на неё так, будто видел в первый раз. Потом медленно, очень медленно, спросил:

— Ты действительно бухгалтер? Может, ты из спецназа в запас ушла?

— Из налогового спецназа, — Лиза улыбнулась, и в её глазах мелькнул тот самый огонёк, который Алекс уже успел полюбить (хотя сам себе в этом ещё не признался). — Профессия обязывает. Ладно, давай собирать их оружие.

Они быстро, принаравливаясь друг к другу, собрали автоматы и пистолеты. Два автомата командира и вертлявого, один пистолет в кобуре у командира. Рацию, которая трещала на поясе одного из лежащих, Алекс забросил подальше в угол ванной, чтобы не мешала.

Связывать бандитов решили поясами от халатов. В гардеробной нашлись два длинных махровых пояса. Лиза затягивала узлы на запястьях, Алекс — на лодыжках. Пока бандиты были обездвижимым, они быстро управились.

— Запрём их в ванной, — скомандовала Лиза.

Она пододвинула тяжёлый кованный стул, который стоял

в коридоре, и подпёрла им дверную ручку. Конструкция выглядела не слишком ненадёжно, но симпатично.

— Остался один, — сказала Лиза, переводя дух. — Внизу. И у него на прицеле Ира и Дейв.

Алекс кивнул, напряжённо сжав челюсти. Сквозь ссадину на брови проступила свежая кровь.

— Я спущусь первым. Отвлеку. А ты...

— Нет, — перебила Лиза. — Мы разделимся. Я пойду к главному входу и отвлеку его. Он услышит шум снаружи, пойдёт проверять. А ты зайдёшь со стороны кухни и подкрадёшься сзади.

— Это опасно, — сказал Алекс, взяв её за руку. — Я не согласен. Лиза, он вооружён. А ты... у тебя автомат, но ты не стреляла в людей.

— А ты стрелял?

Алекс напряжённо промолчал.

— Вот видишь, — Лиза сжала его пальцы. — Это единственный выход. Мы команда. Мы справимся. Осталось совсем чуть-чуть, мы и ребята скоро будем в безопасности.

Он посмотрел на неё — на эту мокрую, растрёпанную, пахнущую океаном и порохом женщину, которая появилась в его жизни несколько дней назад как случайная пьяная девушка, а теперь стояла перед ним с автоматом наперевес и планом спасения заложников.

— Мышка, — сказал он тихо.

А потом он притянул её к себе и поцеловал.

Поцелуй был не нежным. Этот поцелуй был голодным, отчаянным, почти злым — как будто он хотел выпить весь её страх, всю её смелость и запереть их у себя в груди, чтобы никто не отнял. Его пальцы запутались в её мокрых волосах, её руки — в его волосах на затылке, и на секунду мир замер. Не было ни бандитов, ни автоматов, ни разбитой брови, ни океана за окном. Был только он — её Саша, и она — его Лиза.

— Будь осторожна, — прошептал он, отрываясь от её губ, и в его голосе было столько нежности, сколько не бывает у нелюбимых мужей. — Моя милая Мышка.

Лиза кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Внутри неё всё кипело — жар и холод одновременно, как если бы её окатили кипятком, а потом бросили в прорубь. Она подняла автомат, передёрнула затвор (в тире она этому научилась — папа считал, что каждая женщина должна знать, как зарядить оружие, на случай «если медведь зайдёт в огород») и направилась к лестнице.

На полусогнутых, всё ещё босиком, стараясь не скрипеть ступеньками, она спустилась на первый этаж. Вышла на улицу. Обогнула угол и оказалась у главной входной двери. За ней, в гостиной, сидели Ира и Дейв. Она не видела их, но чувствовала — воздух был плотным от страха.

Лиза глубоко вздохнула. Потом ещё раз. Приставила автомат к груди стволом вниз, чтобы не напугать случайным выстрелом, и постучала кулаком в дверь.

— Откройте! — крикнула она мужским голосом, насколько могла низким. — Мне нужна помощь! Срочно!

Внутри послышалось шарканье, лязг автомата, недовольное русское ругательство. Лиза прильнула к щели между дверью и косяком. Она видела краем глаза, как бандит с бычьей шеей — тот, что жевал у холодильника — поднял автомат, направил его сначала на дверь, потом на Иру и Дейва.

— Сидеть! — рявкнул он на подругу. — Не двигаться! Ты, — кивок на Дейва, — тоже!

Ира и Дейв максимально вжались в диван. Ира закивала, Дейв, не понявший ни слова по-русски, просто испуганно захлопал глазами и на всякий случай прижался к жене.

Бандит сделал шаг к двери, держа автомат наизготовку. Положил руку на дверную ручку.

— Ден, это ты? — крикнул он.

И в этот момент из-за угла, со стороны кухни, бесшумно вынырнул Алекс. В одних трусах, с разбитой бровью и перекосенным от ярости лицом, он взмахнул автоматом, который прихватил с собой, и со всей силы врезал прикладом бандиту в бок — туда, где почки.

— Бросай оружие! — рявкнул Алекс.

Бандит согнулся пополам, заорал, автомат выпал из его руки и заскользил по мраморному полу. Алекс, не теряя ни секунды, пнул бандита ногой в грудь — тот рухнул навзничь, ударившись затылком о стену, и замер, хватая воздух ртом.

— Лежать! — крикнул Алекс, наставив на него автомат.

— Лежать, я сказал!

Лиза не стала ждать. Она толкнула дверь и вошла в гостиную с автоматом в руках, держа его стволом в сторону поверженного бандита. Её шорты всё ещё облепляли ноги, влажные волосы рассыпались по плечам, грудь тяжело вздымалась.

— Четвёртый готов, — произнесла она, и голос её звучал удивительно ровно.

Она подошла к Саше, и они, глядя друг на друга, одновременно подняли свободные ладони и хлопнули — громко, звонко, победно. Ладонь об ладонь. Хлоп!

— Мы хорошая команда, — сказал Алекс, и в его глазах, несмотря на разбитую бровь, зажёгся огонь похожий на солнечный свет.

— Давай и этого свяжем, — кивнула Лиза на бандита, который лежал на полу и тихо стонал. — И поскорее вызовем полицию. По спутниковому. Только сначала найди свои шорты. Не могу я с тобой серьёзно разговаривать, когда ты в трусах стоишь.

Ира, которая наконец отмерла от шока, открыла рот и прошептала:

— Лизка... это всё ты? Ты... с автоматом? Ты... их всех?

— Я, — скромно ответила Лиза, поправляя мокрую футболку. — Точнее, мы с Сашей.

Алекс уже поднимал бандита, чтобы связать его прихваткой для штор.

Дейв, наконец понявший, что опасность миновала, просто сжал Иру в объятиях и заплакал — от облегчения, от страха, от того, что его любимую жену чуть не убили, а спасла её боевая подруга.

— Лиза, — сказал он по-английски. — Я тебя обожаю. Ты мой герой.

Она посмотрела на Алекса. Тот уже связал последнего бандита, и смотрел на неё так, что у Лизы снова заколотилось сердце.

— Ладно, — сказала она, отводя взгляд. — Вызывай полицию. А я пойду... переоденусь, в сухое. И найду йод. У тебя бровь разбита, Саша.

Она развернулась и пошла к лестнице, чувствуя на себе его взгляд. Тёплый, благодарный, немного ошалелый.

И очень глубоко внутри, под слоями адреналина, страха и бухгалтерской отчётности, она поняла: этот месяц на острове только начался. И он будет самым безумным, самым страшным и, возможно, самым счастливым в её жизни.

А уточка в голубом берете, которую она мысленно взяла с собой в разведку, одобрительно кивнула и сказала:

«Молодец, Лиза. Теперь ты — бухгалтер с боевым опытом. Папа будет тобой гордиться».

Глава 3. В которой спутниковый телефон работает на всю катушку, полицейские летят на трёх вертолётах, а напряжение между супругами достигает точки

кипения

Саша — Алекс, но для Лизы он теперь навсегда останется Сашей — нашёл спутниковый телефон в кармане своих шортов, которые так и валялись на кресле в гостиной. Шорты были мятые, но телефон внутри работал. Антенна выдвинулась с лёгким жужжанием, на дисплее замигали иероглифы сигнала.

— Алло, полиция? — сказал он по-английски, прижимая трубку к уху. — У нас тут вооружённое вторжение. Четверо бандитов. Обезврежены. Остров частный, координаты такие-то. И да, вызовите, срочно мастера по генераторам. У нас свет не горит уже вторые сутки.

Лиза, стоявшая рядом с йодом и пластырем в руках, услышала последнюю фразу и прыснула.

— Молодец, без нормального света и работающего холодильника мы пропадём.

— Спасибо — Алекс прикрыл трубку ладонью. — Холодильник — это святое. Нам ещё месяц здесь жить.

Лиза поставила йод и ватку на столешницу и быстро поднялась на второй этаж, пошла в гардеробную, натянула сухие шорты и чистую футболку, кое-как расчесала пальцами мокрые волосы и заколола их в пучок. Алекс нашёл свои льняные брюки и белую рубашку, но застегнул только три пуговицы — на груди всё ещё красовались разводы крови. Лиза заставила его сесть на стул и принялась обрабатывать разби-

тую бровь.

— Сиди смирно, — командовала она, макая ватку в йод.
— Я не медик, но бровь должна остаться на месте. Не хватало ещё, чтобы ты ходил кривой.

— Я и так кривой, — усмехнулся Алекс, но сидел смирно, хотя от йода сильно щипало.

Он смотрел на неё. Снизу вверх, пока она наклеивала пластырь — обычный, бежевый, из аптечки, которую нашла в ванной на первом этаже, ведь вторая ванна была занята бандитами. Пластырь лёг ровно, аккуратно.

— Спасибо, — сказал Алекс. — Ты и тут профессионал.

— Я везде профессионал, — буркнула Лиза, но щёки её залились розовым. Потому что он смотрел на неё так, будто она была не растрёпанной бухгалтершей с йодом в руках, а Моной Лизой с Лувра.

Ира, стоявшая рядом в чистой футболке, молчала. Она была в шоке. Её подруга, с которой они делили институтскую общагу, которую она учила краситься и ходить на свидания, которая боялась пауков и никогда не повышала голос — эта самая подруга полчаса назад с автоматом в руках брала на бордаж яхту и вырубала бандитов чугунным китом.

— Лизка, — сказала Ира наконец, голосом человека, который возвращается из космоса. — Ты... ты вообще кто?

— Бухгалтер, — ответила Лиза, не оборачиваясь. — Ты же знаешь, где я работаю.

— Такие девушки только в кино бывают.

— А мы разве не в кино? Я думала, мы в американском блокбастере с бюджетом в пять копеек и моим расолом в главной роли.

Дейв, который не понимал ни слова по-русски, просто обнимал Иру и гладил её по голове, повторяя: «It's okay, baby, it's okay».

Вертолёты приземлились на поляне за домом через сорок минут. Три в ряд. Чёрные, с логотипами полиции Лос-Анджелеса. Из них высыпали люди в бронежилетах, с оружием — да, Лиза не поверила своим глазам — с чемоданчиком для улик.

Пока одна группа обезвреживала (уже обезвреженных) бандитов в ванной и на яхте, мастер по генераторам — маленький лысый человечек с ящиком инструментов — пробрался в подвал и через двадцать минут включил свет. Лампочки на кухне зажглись, холодильник тихо загудел, и Лиза мысленно поставила этому человечку пятёрку по пятибалльной шкале.

Главный полицейский оказался высоким красивым брюнетом с усами, которые могли бы принадлежать мексиканскому наркобарону, если бы не форма и значок. Он стремительно вошёл в гостиную, оглядел связанных бандитов (их уже вывели на лужайку, но одного, того, что вечно тёрся у холодильника, оставили для опознания), и громко спросил по-английски:

— Кто здесь главный?

— Я владелец дома, Алекс Хантер, это я вам звонил, — сказал Алекс, выступая вперёд. — Но организатором обезвреживания была моя жена.

— Ваша жена?

Алекс кивнул в сторону Лизы. Та стояла у окна, скрестив руки на груди, и очень старалась выглядеть скромно.

Полицейский подошёл к Лизе, и его лицо — суровое, с мелкими морщинами и глазами человека, который видел много чего — вдруг расплылось в улыбке.

— Миссис Хантер, — сказал он по-английски, беря её руку и наклоняясь к ней. — Вы даже не представляете, кого вы нам сегодня сдали. Это банда русских наёмников, грабившая частные яхты и виллы. Мы охотились за ними полгода. И вы, простая женщина...

— Не стоит, — машинально начала останавливать его похвалу Лиза, и её щёки стали цвета переспелого помидора.

— Стоит, — повторил полицейский с благоговением. Он поцеловал её руку. Прямо так, в воздухе, как в старом кино. — Я вами восхищён.

Лиза почувствовала, как её рука покраснела ещё сильнее вместе со щеками. И тут рядом возник Саша. Он обнял её за плечи — крепко, собственнически, почти вызывающе. Его пальцы сжались на её ключице.

— Спасибо за комплименты, — сказал он полицейскому ледяным тоном. — Но моя жена устала. Если можно, закончим с показаниями побыстрее.

— Конечно, конечно, — полицейский, кажется, ничего не заметил. Или заметил, но виду не подал. Он махнул своим людям, и те быстро, профессионально, сняли показания. Лиза рассказывала про чугунного кита, про гель для душа, про горшок с орхидеей. Ира с Дейвом подтверждали, что всё так и было. Алекс добавлял детали про пресс-папье.

Через час всё было кончено. Бандитов — всех четверых, включая того, которого Лиза связала на яхте — погрузили в вертолёт. Яхту, злосчастную яхту, которую Лиза мысленно уже окрестила «трофеем», отбуксировали на полицейском катере. Мастер по генераторам, получив щедрые чаевые от Алекса, улетел вместе с военными.

Главный полицейский уже почти садился в последний оставшийся вертолёт, но на полпути обернулся и громко сказал, перекрывая шум винтов:

— Миссис Хантер! Я впервые вижу, чтобы хрупкая женщина без единого выстрела обезвредила таких опасных преступников. Вы потрясающая! Если надумаете идти в полицию — я замолвлю за вас словечко! Слышите? Словечко!

— Не надо ваших словечек! — крикнул Алекс, сильнее прижимая Лизу к себе. — Она моя жена! И она от меня ни на шаг не денется!

Вертолёт поднялся, завис на секунду — и улетел в предзакатное небо.

Океан шумел. Солнце садилось, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Дом, наконец, снова был только их. Хо-

лодильник мирно жужжал, да чайки орали где-то вдалеке.

— Я так голоден, — сказал Дейв на английском с вкраплениями русских слов, которым его успела научить Ира. — Очень голоден.

— Я тоже, — ответил Алекс. — Думаю, нам есть что отпраздновать. Мы живы. Бандиты в тюрьме. Электричество есть. Давайте готовить ужин.

Он взялся за готовку сам. Лиза сначала хотела было возразить, но Саша вдруг надел фартук. Тёмно-синий, льняной, завязал сзади бантом. И Лиза поняла, что ничего сексуальнее она в своей жизни не видела. Фартук на красивое мужское тело (рубашку он так и не застегнул), закатанные рукава, сосредоточенное лицо, когда он резал лук.

— Ты смотришь на меня, — сказал он, не оборачиваясь.

— Я контролирую процесс, — ответила Лиза, суетливо поправляя салатницу. — Вдруг ты пересолишь.

Они переглянулись. Искры — нет, не то слово. Между ними будто пробежала молния, короткая, но очень горячая. Лиза отвела взгляд первой, но щёки горели.

Он готовил пасту с морепродуктами. Быстро, ловко, как будто делал это каждый день. Лиза помогала: нарезала помидоры для салата, заправила оливковым маслом, добавила базилик. Ира и Дейв наводили порядок в доме: собирали осколки керамики, вытирали лужи геля, складывали в кучу бандитские улики, которые полицейские забыли.

За ужином, когда все сели за большой стол — тот самый,

где вчера горели свечи, и где Алекс впервые поцеловал Лизу — они наконец выдохнули.

— Расскажи ещё раз, — попросила Ира, накладывая себе пасту. — Как ты на яхту залезла.

Лиза рассказала. Про лестницу, про мокрые ноги, про чугунного кита, про то, как её сердце чуть не выскочило из груди, когда бандит не шевелился. Ира слушала с открытым ртом, забыв про еду.

— Ты... ты — герой, — выдохнула она. — Я не знала, что ты такая.

— Я сама не знала, — честно призналась Лиза. — Просто поняла, что если я ничего не сделаю, вас убьют. И я не могла...

Она замолчала, потому что Алекс под столом накрыл её руку своей.

— Мне очень повезло, — сказал он тихо, глядя на неё. — Что ты проснулась рано. Что пошла гулять. Что не испугалась этих бандитов.

— Испугалась, — ответила Лиза. — Ещё как.

— Но действовала, без промедления.

— Да, но всё-таки ноги дрожали.

Ира, которая видела всё это, промокнула глаза салфеткой.

— Лизка, — сказала она. — Я так тебя люблю. Ты у меня самая лучшая. И Алекс, — она кивнула на Алекса, — ты тоже хорош, как ты справился с последним. Бах-Бах его и бандит лежит, корчась от боли.

Алекс улыбнулся. А потом все дружно набросились на еду, потому что паста остывала, а голод был нешуточный.

После ужина они мыли посуду вчетвером. Дейв вытирал, Ира подавала, Лиза мыла, Алекс полоскал. Движения были отточенные, как в хорошем ресторанном оркестре. Никто не говорил больше о бандитах. Никто не говорил о пережитом страхе. Говорили о том, какой завтра будет закат, и что уточкам Лизы, наверное, грустно без неё.

— Я позвоню, — сказала Лиза. — По спутниковому. Завтра.

— Уточкам? — искренне засмеялся Алекс.

— Папе. Но если бы они умели разговаривать, они бы меня отругали за то, что я рискую жизнью.

— Они бы тобой гордились, — сказал Алекс, и в его голосе не было и толики шутки.

Лиза опустила глаза в раковину с мыльной пеной.

Спать пошли рано. Все валились с ног. Ира и Дейв ушли в свою комнату, обнявшись на ходу. Алекс пожелал Лизе спокойной ночи — коротко, почти сухо — и скрылся в гостевой спальне. Лиза немного расстроилась.

Она легла в свою огромную кровать с балдахином. Белые простыни, прохладные, пахнувшие цветами. Лиза закрыла глаза. Открыла. Повернулась на левый бок. На правый. На спину. Сбросила одеяло. Натянула обратно.

Заснуть никак не получалось.

Она думала о Саше. О его руках на её плечах. О поцелуе

в коридоре — голодном, отчаянном, таком, от которого колени становились ватными. О том, как он смотрел на неё за ужином. О том, как его пальцы накрыли её руку под столом.

— Ты чего вертишься? — спросила она сама себя. — Ты же устала. Ты целый день воевала с бандитами. Ты должна спать, как убитая.

Но тело не слушалось. Оно помнило его тепло, его запах, смесь одеколона и океана. Оно хотело большего. И Лиза, которая привыкла всё контролировать, вдруг поняла, что не контролирует ничего — ни своего сердцебиения, ни предательского румянца на щеках, ни того, как она прикусывает губу, думая о Саше.

Часы на тумбочке показывали час ночи. Лиза уже перестала надеяться на сон. Она лежала, глядя в потолок, и считала не овечек, а свои вдохи и выдохи.

И тут дверь её спальни тихо, без скрипа, отворилась.

В проёме стоял он. Её муж.

Без рубашки. В одних пижамных штанах — мягких, серых, низко сидящих на бёдрах. Волосы влажные, бровь заклеена её пластырем. И глаза — тёмные, глубокие, в которых отражался лунный свет.

— Ты не спишь, Мышка? — спросил он шёпотом.

— Нет, — ответила Лиза, и голос её предательски сел.

Он вошёл. Закрыв за собой дверь.

Глава 4 . В которой одеяло становится крепостью,

а первая ночь оказывается длиннее, чем месяц на острове

В спальне стоял полумрак — только лунный свет пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, рисуя на полу серебристые полосы, похожие на дорожки к океану. Лиза сидела на кровати, прижавшись спиной к мягкому изголовью, и натянула одеяло до самого подбородка. Одеяло было белым, пушистым, пахнущим цветами и почему-то страхом. Страхом перед тем, что сейчас произойдёт. Или ещё страшнее — не произойдёт.

Саша — для неё он уже навсегда Саша — прошёл через комнату медленно, почти неслышно. Его грудь — загорелая, с тёмными волосками у самой резинки брюк, — вздымалась ровно, но она заметила, как дрожат его пальцы.

Он сел на край кровати. Матрас прогнулся под его весом, и Лиза почувствовала тепло его тела через одеяло, через простыню, через всё расстояние, которое она тщетно пыталась сохранить. Он не включил свет. Спросил шёпотом, но шёпот в тишине звучал громче крика:

— Ты почему не спишь?

— Ты сам знаешь почему, — ответила она. Голос сел, и она кашлянула, чтобы вернуть его на место.

Саша повернулся к ней, и лунный свет упал на его лицо — на высокие скулы, на свежий пластырь, на карие глаза, которые сейчас казались почти бездонными.

— Я тоже не смог уснуть, — сказал он. — Такой был день. Такой... безумный, страшный, невероятный день.

Лиза молчала. Она сжимала одеяло так, что ладони вспотели от приложенного усилия.

— Лиза, — он накрыл её руку своей. Ладонь была горячей, такой мягкой. — Посмотри на меня.

Она подняла глаза. Зелёные, блестящие — то ли от лунного света, то ли от слёз, которые никак не решались пролиться.

— Я должен тебе кое-что сказать, — он говорил медленно, подбирая слова, как бухгалтер подбирает цифры для годового отчёта. — То, что я ляпнул тогда, с похмелья. Про толстуху. Про мошенницу. Это был не я. Вернее, я, но самый поганый, самый дурацкий, самый испуганный вариант меня. Я не считаю твою фигуру некрасивой.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать — защититься, отшутиться, сделать вид, что ей всё равно, — но он не дал.

— Не перебивай. — Его пальцы сжали её ладонь. — Я считаю, что у тебя идеальное тело. Я не знаю, кто тебя до меня убеждал в обратном, но этот человек дурак. Или слепой. Или просто не умеет смотреть. Твои плечи, твоя талия, твои бёдра... Господи, Лиза, я с ума схожу, когда ты ходишь по дому в этих своих шортах.

— В шортах? — пискнула она.

— И когда ты мокрая после бассейна. И когда ты готовишь и ворчишь, что я неправильно режу лук. И когда ты

злисься. И когда смеёшься. Особенно когда смеёшься.

Лиза почувствовала, как её щёки заливаются жаром. Она хотела спрятать лицо, уткнуться в подушку, убежать на кухню и выпить литр кофе — лишь бы не слушать эти слова, от которых внутри всё трепетало, как желе на витрине. Но он крепко держал её руку.

— Я не знаю, как это объяснить, — сказал он тише. — Я никогда не был хорош в словах. Мама говорила: «Саша, ты весь в отца — делаешь, а не говоришь». Но я хочу, чтобы ты знала. Я восхищаюсь тобой. Тем, как ты встала рано утром, как пошла в разведку, как не побоялась залезть на эту чёртову яхту, как стукнула бандита китом, как разлила гель... Господи, гель для душа! Ты придумала план из того, что было под рукой. Бухгалтер, ёлки-палки. Ты — гениальный стратег. Ты невероятная, умная, красивая и восхищён тобой!

Он замолчал. Луна сдвинулась, и серебристая полоса легла на его плечо, на родинку чуть ниже ключицы. Лиза вдруг подумала, что хочет поцеловать эту родинку. Хочет прикоснуться губами к его шее, туда, где бьётся жилка. Хочет...

— Саша, — сказала она, и её голос дрогнул. — Я... я никогда...

— Я знаю, — ответил он. — Ты говорила. Про брачную ночь. Про то, что запомнила бы. Я помню.

— Это не страшно?

Он улыбнулся — той улыбкой, которая появлялась только у него, когда он смотрел на жену.

— Нет. Не страшно. Мы будем медленно. Очень медленно. И если ты в любой момент захочешь остановиться — мы остановимся.

— Обещаешь?

— Честное слово.

Она отпустила одеяло.

Оно сползло само — сначала до плеч, потом до груди, потом открыло её простую белую футболку, в которой она спала. Футболка была мягкой, с притом солнечной Аризоны. Под ней — ничего. Лиза никогда не спала в лифчике.

— Не бойся меня, — прошептал он.

— Хорошо, — выдохнула Лиза в ответ.

Саша протянул руку и коснулся её щеки — пальцами, одними кончиками, провёл по скуле, по губе, по подбородку. Лиза закрыла глаза от удовольствия. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, и от него по всему телу побежали горячие мурашки, как будто кто-то включил внутри неё маленькое солнышко.

— Ты красивая, — сказал он, и теперь эти слова не звучали случайностью или комплиментом «для галочки». Они звучали как истинная правда. — Ты самая красивая женщина, которую я знаю.

Она хотела сказать «врёшь», но не смогла. Потому что он наклонился и поцеловал её — не в губы, а в уголок губ, в ямочку на щеке, в лоб, в висок, в мочку уха.

— Саша, — прошептала она, и это имя вырвалось как мо-

литва.

— Что, Мышка?

— Если ты остановишься, я тебя побью.

Он засмеялся и не остановился. Саша целовал её плечи — сначала левое, потом правое, спускаясь к ключицам, к ложбинке, к краю футболки. Его руки — чуть влажные, но такие нежные — исследовали её тело, скользили по её спине, по пояснице, по бёдрам, гладили через тонкую ткань, заставляя её выгибаться навстречу.

Лиза забыла, что до смерти боялась интима. Забыла, что стеснялась своего тела — полных бёдер, мягкого живота, которого она всегда пыталась спрятать под мешковатыми футболками. Его руки не останавливались — они открывали, исследовали, находили самое сокровенное и губы целовали.

— Ты пахнешь кокосом, — шепнул он, уткнувшись носом в её шею.

— Это гель. Который я разлила в ванной.

— Я запомню этот запах навсегда.

Он снял с неё футболку — медленно, осторожно, как будто разворачивал подарок, который боялся сломать. Алекс смотрел на её ключицы, на ложбинку между грудью, на родинку чуть выше левого соска — он заметил её ещё в тот первый день, когда она вышла из океана в мокром купальнике. Он хотел поцеловать её туда, но заставил себя ждать.

Лиза сначала хотела прикрыться руками, но он мягко отвёл их и сказал:

— Не надо. Не прячься от меня. Пожалуйста.

Девушка покорно опустила руки. Саша смотрел на неё — на её грудь, на розовые соски, на плавный изгиб талии, на бёдра, которые так красиво лежали на белой простыне. И его взгляд не был оценивающим, не был «я сравниваю с другими». Это был взгляд человека, который наконец нашёл то, что искал, и не верил своему счастью.

— Господи, — выдохнул он. — Мышка...

— Что?

— Ничего. Просто... ничего.

Он наклонился и поцеловал её грудь — сначала одну, потом другую, обводя языком соски, заставляя её тихо вскрикивать и вцепляться в его волосы. Его руки гладили её живот, бока, поясницу, спускались к резинке пижамных шорт — тех самых, которые она натянула перед сном, синих, в белый горошек.

— Можно? — снова спросил он.

— Саша, если ты ещё раз спросишь «можно», я тебя точно ударю.

Они засмеялись — тихо, в полутьме, и этот смех сломал последнюю преграду перед их единством. Он снял с неё шорты, потом трусики — простые, хлопковые, с крошечным бантиком спереди. Лиза была совершенно обнажена, и странное дело — она не чувствовала стыда. Только жар, только желание, только невероятную, острую, как первый глоток рассола после похмелья, свободу.

— Ты так мило дрожишь, не бойся, милая Мышка, — улынулся он.

Он с огромным желанием поцеловал её живот — пупок, линию под грудью, мягкий изгиб бока, внутреннюю сторону бедра. Мягко, но одновременно властно сжал её ягодицы и притянул ближе к себе. Она вскрикнула, когда его губы коснулись самого сокровенного места. Сначала было неловко, потом — сладко, потом — так хорошо, что она перестала понимать, где кончается она и начинается он.

— Саша... я...

— Тш-ш-ш.

Он поднял голову, поцеловал её в губы — глубоко, медленно, с языком. Она чувствовала свой вкус на его губах, и это было странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.